

С.Г. МАЛКИН

ГОРНАЯ ШОТЛАНДИЯ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII века И ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Обращаясь к обычаям и нравам Верхней и Нижней Шотландии в первой половине XVIII столетия, Вальтер Скотт не только отдал должное той романтической традиции в европейской литературе первой половины уже XIX в., одним из наиболее примечательных представителей которой он и являлся. В данном случае перед нами еще и любопытный пример эволюции образа шотландского горца. Вальтер Скотт в своих исторических штудиях и литературных опытах проводником в Горный Край (Хайленд), каким тот был во времена действия романа “Уиверли, или Шестьдесят лет назад”, избрал современника и очевидца, никогда бы не помыслившего себе за “Робин Гудами” Хайленда тех удивительных качеств, которые вызвали восхищение образованной британской публики в первой половине XIX в.¹ Романтики, по словам У. Диксона, сочли “якобитский эпизод”² “своим” и так яростно встречали любые возражения на сей счет, что “история здесь покинула поле боя в отчаянии”³. Образ шотландского горца (хайлендера) в начале XIX в. был сильно романтизирован, и последний превратился из “мятежника” в “верного подданного” своего короля, причем уже со второй половины XVIII в. эта лояльность будет означать преданность суверенам дома Ганноверов. Этот образ и впрямь не без оснований можно называть “изобретением” горношотландской “традиции”, неотъемлемой частью которой стала “якобитская сага”. Всё это словно заслонило собой другую часть британской, шотландской, горношотландской истории XVIII столетия, – то, что было между (до и после) “особенными” для якобитского мифа 1715 и 1745 гг.

Сочувствие, с которым Скотт описывал, а читающая публика воспринимала Горный Край до окончательного разгрома якобитов в битве при Каллодене 16 апреля

Малкин Станислав Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Самарского государственного педагогического университета.

¹ Одним из основных источников для Вальтера Скотта послужили записи Никола Грэма из Гэртмора, жившего у самой границы Хайленда и смотревшего на своих соседей в горах через призму одной из наиболее популярных антитез Просвещения – “варварство – цивилизация”; ср.: *Graham N., of Gartmore. An Inquiry into the Causes which facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, 1747.* – *Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London, v. I. Edinburgh – Glasgow – London, 1822,* p. 348–349, 344–345 и *Scott W. Op. cit.,* p. 150–152, 167–169. Более того, соображения Грэма из Гэртмора в виде почти прямой цитаты вложены в уста одного из героев “Роб Роя”, Никола Джарви (совпадение имен, видимо, не случайно): *Скотт В. Собр. соч.* в 8 т. М., 1990, т. 4, с. 303–304.

² Речь идет о якобитском движении – борьбе за возвращение британской короны свергнутому в 1688 г. в ходе “Славной революции” Якову II Стюарту (в Шотландии – Якову VII) и его потомкам, в котором активно участвовали многие кланы Горной Шотландии.

³ *Dixon W. The Jacobite Episode in Scottish History and its Relative Literature.* – *Essays: Glasgow Saint Andrew Society. Edinburgh – Glasgow – London, 1874,* p. 1.

1746 г., служит едва ли не самым лучшим тому подтверждением. И если в 1720-х годах Роберт Макгрегор был “шотландским лиходеем” (каким он предстал в одноименном сочинении Даниэля Дефо), то в 1820-х – уже отважным Роб Роем Уильяма Водсворта⁴ и компромиссным (впрочем, скорее вызывающим интерес и симпатию) относительно двух этих крайностей литературным героем “шотландского барда”. В этом смысле примечательно: Вальтер Скотт, выражая сожаление, что Роб Роя не сделал своим героем его великий современник Дефо, тут же упомянул “Шотландского лиходея” как “грошовую брошюру” с “вымышленной биографией”, в которой “подвиги его [Роберта Макгрегора] так же преувеличены, как его внешность”⁵. Тогда еще не было известно, что автором этого первого жизнеописания Роб Роя являлся именно Дефо⁶. Не менее примечательно и то, что автор “шотландских” романов от своего коллеги по литературному цеху в начале XVIII в. ожидал представлений, возможных лишь в начале XIX в. Принимая активное участие в формировании новой (романтической) традиции восприятия Горной Страны, Вальтер Скотт в чем-то сам оказался под воздействием ее сохранившегося и сегодня силу очарования.

И этот не только историографический факт по-прежнему играет очень важную роль в нашем восприятии прошлого⁷. По меткому выражению крупнейшего английского историка Т.Б. Маколея, до середины XVIII в. на Горную Страну смотрели “сквозь завесу предрассудков, которая затем сменилась яркими красками романтической поэзии, и было навсегоду упущено время, когда могла быть нарисована во всей полноте истинная картина”⁸. В этом смысле, наверное, закономерно, что та шотландская культура, которая сегодня прочно ассоциируется с килтами⁹, тартанами¹⁰, кланами, была сохранена для нас в том числе “шотландским бардом” Вальтером Скоттом на английском языке и с изрядной долей британского пафоса.

Между тем феномен “открытия” Хайленда во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. в последние 30 лет плодотворно изучается как зарубежной, так и отечественной исторической наукой¹¹. Этого же, однако, нельзя сказать об укрытом “завесой предрассудков” периоде (в определении Т.Б. Маколея). Когда применительно к событиям 1688 г. на Британских островах говорят “Славная революция”, кажется, считают ее достоинством и то, что она помимо прочего оказалась “бескровной”, выгодно отличаясь в этом смысле от сопряженной со многими войнами эпохи английской революции середины XVII в. Между тем такая интерпретация революционных событий в действительности далека от реалий тех лет. В Шотландии (Горной Шотландии) и Ирландии “Славная революция” увенчалась успехом только после подавления (в Горной Стране к тому же лишь временного) вооруженного сопротивления этих кельтских окраин в 1689–1691 гг. Окончательно революционное устройство вышло из-под угрозы реставрации изгнанных в 1688 г. Стюартов только к концу 1759 г.

При этом в конце XVII – первой половине XVIII вв., когда укрывшаяся на континенте династия находила военную опору главным образом именно в Горной Стране,

правительственные чины и их агенты в Шотландии составили более полусотни различного рода аналитических записок и отчетов о военно-политической ситуации в крае¹². Многие из этих сочинений принадлежали перу непосредственно отвечавших за политику Лондона в Горной Шотландии государственных служащих, их явных и тайных агентов. Именно эта аналитическая литература послужила источником основных сведений и рекомендаций как при определении правительственного курса в отношении английских прусств в крае в конце XVII – первой половине XVIII вв., так и для исторических сочинений Вальтера Скотта.

Таким образом, умиротворение Горной Шотландии сопровождалось не только зримым расширением присутствия британских гарнизонов в крае, но еще и менее очевидным, однако от этого не менее значимым формированием определенного корпуса текстов (прежде всего аналитические комментарии), не только отражавшего восприятие края в Англии и значительной части Нижней Шотландии, но и послужившего идеологическим обоснованием для политики Лондона в этой кельтской окраине.

Разбор этой аналитической литературы помогает понять, как на Горную Страну и горцев смотрели “из Лондона”, как британские чины “прочитывали” действительность Горной Шотландии в 1689–1759 гг., в какой степени такое “прочтение” формировало политику Лондона в крае и историческое письмо “шотландского барда”¹³.

Едва ли не важнейшей задачей записок, отчетов и описаний правительственных информаторов о положении в Горной Стране являлось определение ее границ и пределов: географических, временных, этнокультурных. Отсутствие в Лондоне четкого, ясного и непротиворечивого образа Горной Шотландии на фоне мятежного характера ее обитателей привело к тому, что изложение географических, исторических, этнографических сведений стало не только наиболее распространенным способом представить Горный Край ответственным чинам, но и сформировало набор тем, в рамках которых и создавались первые и самые устойчивые представления ответственных чинов о положении в крае и политика королевства в отношении этой всегда готовой к мятежу кельтской окраины.

* * *

Прежде всего отметим, что записки, отчеты и описания, сделанные правительственными чинами и их агентами, можно рассматривать еще и как разновидность “карт” Горного Края: аналитическая литература была своеобразной “энциклопедией” Горной Шотландии. Как и обычные карты, сочинения “о положении в Горной Стране” были призваны упорядочить другие отрасли знания: по географии, истории, этнографии и экономике Горного Края.

При этом потребности военного времени 1689–1691 гг. усиливали стремление Лондона составить надлежащую “карту” предстоящих военных кампаний. Если географическая, социальная, экономическая, политическая карты Шотландии во многом

¹² См., напр.: *Mitchell A. A List of Travels, Tours, Journeys, Voyages, Cruises, Excursions, Wanderings, Rambles, Visits, etc., relating to Scotland.* – Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland [далее – PSAS]. 1900–1901, v. 35, p. 468–528; *idem. Supplementary List of Travels and Tours relating to Scotland, with Index (being an addition to the list printed in v. 35 of PSAS).* – PSAS. 1904–1905, v. 39, p. 502–510; *idem. Second and final Supplementary List of Travels and Tours relating to Scotland, with an Index (being an addition to the Lists printed in Vols. 35 and 39 of PSAS).* – PSAS. 1909–1910, v. 44, p. 393–395; *A Contribution to the Bibliography of Scottish Topography.* v. II. Publications of the Scottish History Society. Second Series, v. XV. Edinburgh, 1917, p. 495–499, 514–515, 533; *Withers C.W.J. Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region.* London – New York, 1988, p. 80–83.

¹³ Взаимные этнические представления англичан, шотландцев и ирландцев уже становились предметом исследований в отечественной британистике, например: *Павленко А.П.* Ирландцы в Англии и Шотландии (особенности этнического развития). – *Расы и народы.* 1978. № 8, с. 226–236; *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм и стереотип ирландца в XIX в. – *Новая и новейшая история.* 1980. № 5, с. 61–73.

⁴ Уильям Водсворт (1770–1850) – английский поэт-романтик.

⁵ *Scott W. Op.cit.*, p. 176–177.

⁶ Урнов Д.М. Динамика истории. – *Скотт В.* Роб Рой. М., 1990, с. 466.

⁷ Например: *McNeil K. Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860.* Columbus, 2007; *Trevor-Roper H. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland.* – *The Invention of Tradition.* Cambridge, 2000, p. 15–41; *Pitcock M. The Culture of Jacobitism.* – *Culture and Society in Britain 1660–1800.* Manchester – New York, 1997, p. 124–145.

⁸ *Маколей Т.Б.* Англия и Европа: Избр. эссе. СПб., 2001, с. 131.

⁹ Килт – часть “традиционного” наряда шотландского горца в виде обернутой вокруг талии и закрепленной определенным образом куса ткани.

¹⁰ Тартан – шотландский плед.

¹¹ Об историографии проблемы см., например: *Апрыщенко В.Ю.* Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности XVIII – первой половине XIX вв. Ростов-на-Дону, 2008.

совпадали с разделявшим Верхнюю и Нижнюю Шотландию “Хайлендским рубежом” Грэмпианских вершин, то сам Хайленд долгое время “сопротивлялся” географической локализации и описанию и никогда не был просто географическим объектом на политической карте Шотландии, демонстрируя характерную распыленность военно-политической географии Горного Края. На фоне такой подвижности и проницаемости границ, проходивших не только по земле, но и в сознании самих хайлендеров, представление об умиротворении Горной Страны как об “осаде” горных “крепостей” выглядит отчаянной попыткой некоторых правительственных чинов придать карте этого края хоть какую-нибудь определенность. Классический пример многократного пересечения горами этих границ обнаруживаем у Вальтера Скотта (и “его” британских агентов, чьи сведения этнополитического характера через сто лет послужили целям литературного свойства): “Скот, главный предмет торговли в горных местностях, пригоняли на ярмарки в пограничной полосе Нижней Шотландии отряды бряцавших оружием горцев”¹⁴. Причем торговые предприятия этого рода не прекращались ни до, ни после якобитских мятежей, и одни и те же жители Горного Края могли, еще вчера поддерживая своими палашами изгнанных Стюартов, назавтра вести оживленную торговлю со сторонниками Ганноверского дома.

Описание Хайленда не только как культурного региона, но и как особого геополитического пространства порождало конфликт интерпретаций региональной действительности, выражавшийся в попытках изгнанных Стюартов и их противников сформировать необходимый образ Нагорья и оттеснить другие представления о нем. В практическом смысле ключевой вопрос для противников состоял в том, как определить регион так, чтобы обосновать (и обеспечить) в нем собственное присутствие в качестве центра?

С одной стороны, риторические стратегии и приемы, применявшиеся Джоном Грэмом из Клэверхауза, 1-м виконтом Данди, командовавшим армией Якова II (VII) Стюарта в Шотландии (по сути, в Горной Стране) в 1688–1689 гг., в корреспонденции с этим изгнанным королем были направлены на “создание” региона, сражающегося за “законную” династию и всегда бывшего ей верным и преданным. Речь в данном случае шла о попытке “сформировать” край так, чтобы к краю, к которому принадлежит сам пишущий (как сражающийся там полководец) и в котором он не обладает должной военно-политической властью, было привлечено самое пристальное внимание со стороны короля Якова II (VII) Стюарта. Клэверхауз считал основным фронтом в войне со сторонниками Вильгельма III (II) Оранского (вильямитами) родную Шотландию¹⁵. Яков II (VII) Стюарт полагал, что решающий бой Вильгельму нужно дать все же в Ирландии, а потому помощь своему верному подданному ограничил отрядом полковника Александра Кэннона из 500 человек¹⁶. В этом смысле Клэверхаузу было проще найти общий язык с восстановленным режимом Карла II Стюарта. “Веселый король” усмотрел в ковенантах¹⁷ Гэллоуэя, видимо, большую опасность, нежели его брат и наследник в вильямитах в Шотландии, открыв сезон “убийственных времен”, чья

¹⁴ Scott W. Op. cit., p. 136.

¹⁵ Виконт Данди в письме от 27 июня 1689 г. уверял своих реальных и потенциальных сторонников, что может рассчитывать на “5000 или 6000” солдат из Ирландии, см.: *Grahame J. Letters of John Grahame of Claverhouse, viscount of Dundee, with illustrative documents.* Edinburgh, 1826, p. 51.

¹⁶ *Culloden Papers: comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance.* London, 1815, p. VII; *Account of loss, My Lord Forbes lands sustained by the Robberies and depredations of the Highlanders, Anno [16]89 and [16]90. – Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750, v. I.* Aberdeen, 1895, p. XIV–XVI.

¹⁷ *Ковенантеры* – сторонники Ковенанта – соглашения между английскими и шотландскими пресвитерианами.

атмосфера очень точно передана Вальтером Скоттом в “Пуританах” и самим виконтом Данди в эпистолярном наследии. “Шотландский бард” при этом подчеркнул, что проблеме ковенантеров для Карла II во многом решали именно горцы: “Мортон, кроме того, заметил и несколько сильных отрядов горцев, спустившихся со своих гор из районов близ границ Нижней Шотландии и... в такой же мере ненавидевших западных вигов, в какой последние ненавидели и презирали их. Они выступили под предводительством своих вождей и составляли особое подразделение этого грозного войска”¹⁸.

С другой стороны, Хайленд как “Продолжение Ирландии” – характерный риторический прием в отчетах британских чинов. Такая этнокультурная близость Горной Страны и “Изумрудного острова” была призвана объяснить (и оправдать) тот факт, что почти половина “Северной Британии” (Шотландии в официальных документах) являлась частью королевства лишь формально¹⁹. Этот факт становится еще более очевидным, учитывая, что параллельно с этой культурной “исключительностью” утверждалась принципиальная возможность и необходимость культурного и политического объединения англичан и шотландцев в “британском” универсальном проекте островной идентичности. “Цивилизация”²⁰ Горного Края, безусловно, разрешала это противоречие (и именно так, как это было нужно Лондону).

Однако не одни этнографические изыскания придавали выписанной в аналитической литературе “Ирландии” целостность. Этот воображаемый регион почти точно совпадал как с театром якобитских войн Вильгельма III (II) Оранского, так и с эпистолярным пространством его комментаторов в Горной Стране – администраторов и генералов. Война не только приковывала внимание к отдельным местностям и географическим названиям, но также и способствовала установлению связей и соотношений между ними, являясь одним из способов поддержать и навязать сопернику свое определение региона. Якобитские войны 1689–1691 гг. превратили в единый театр военных действий почти всю Ирландию и Горную Шотландию, поместив их на одну военную карту – география войны также способствовала определению (разумеется, под пером тех же администраторов и генералов) географии “Ирландии”. География “Горной войны” командующего королевскими войсками в Шотландии Вильгельма III (II) Оранского генерал-майора Хью Маккея из Скоури с самого начала включала и карту Ирландии (как и его же “Война в Ирландии” неизменно затрагивала и Горный Край)²¹.

Северный канал, таким образом, скорее объединял, чем разделял ирландский и хайлендский берега. От шотландского Кинтайра до ирландского Энтрима – чуть больше 24 км, и такая географическая близость этих “ирландских” берегов Северного канала на фоне “подтверждаемых” этнографией выводов провоцировала восприятие Горной Страны как части “Ирландии”. Еще в 1698 г. члены парламента Англии обсуждали невероятную “вероятность” прибытия из Ирландии в Хайленд Александра Макдонелла, 3-го графа Энтрима, и “подъема” им “20 000 [горцев] имени или клана Макдонелл” в Горной Стране против Коронны²². Как заметил Э. Хобсбаум, некоторые “регионы” – скорее область политики, чем географии, скорее область политических программ, чем реальности (другое дело, что воображаемые регионы не становятся от этого менее реальными). Подразумевая наличие неких общих характеристик, связы-

¹⁸ *Скотт В. Пуритане.* М., 1990, с. 308. Среди наиболее информативных исследований участия жителей Горной Страны в тех событиях: *Elder J.R. The Highland Host of 1678.* Aberdeen, 1914.

¹⁹ *Trevor-Roper H. Op. cit., p. 16.*

²⁰ Здесь и ниже этим словом мы для краткости обозначаем не только цивилизацию, но и процесс ее “внедрения” в Горной Шотландии.

²¹ *Mackay H., of Scoury. Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland, 1689–1690.* By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833.

²² *The Journal of the House of Commons, v. 12.* London, 1802, p. 184–188.

вавших Ирландию и Горную Шотландию, вильямиты (затем и ганноверцы) перевели карту современных им войн на язык региональных обобщений. “Ирландия”, таким образом, это не обязательно география.

Вместе с тем география Хайленда (как и “Ирландии”) в 1689–1759 гг. была не только политической (военно-политической). Военные и политические карты Горного Края дополнялись экономическими картами и картами “цивилизации”, также устанавливавшими региональное единство “Ирландии”. В соответствии с популярной в эпоху Просвещения теорией отсталости и развития “рабское служение” превращало горцев в “удобное средство уничтожения... религии и свободы народа”, “продолжающихся разбоев и грабежей”, “мятежей против Его Величества” в руках “иностранных сил, вовлеченных в планы и мероприятия, направленные против правительства”²³. Такое представление о положении дел в Горной Шотландии порождало основную закономерность аналитической литературы в 1689–1759 гг.: “варварство” горцев (“тираническая власть вождей” – наследственная юрисдикция, и практика набегов) с 1689 г., когда “дерзость этих незаконных людей стала особенно опасной, когда многие вожди из одних и тех же кланов выступили с оружием против нашего освободителя короля Вильгельма и позже подняли мятеж против Его Величества” – Георга I Ганновера, непременно значило “мятеж” и постоянство “зарубежной угрозы”, непременно залогом “лояльности” трону в Горной Стране считалась ее “цивилизация”²⁴.

Вместе с тем в бунном 1745 г. станет ясно, что “лояльные” кланы не всегда готовы поддержать силою оружия интересы Короны в Горной Стране, а те, что не переставали промышлять грабежом всю первую половину XVIII в. (Макгрегоры, Кэмероны), никак не желали “жить в мире” по примеру своих более “цивилизированных” соседей²⁵. Именно поэтому “культурную” географию “пределов мятежа” информаторы Короны в Горном Крае предпочитали дополнять “картой” лояльности жителей Хайленда Лондону в надежде обрести большую точность в сообщавшихся сведениях²⁶.

В XIX в. “шотландские” романы Вальтера Скотта проясняют географию Нагорья: “Самыми беспокойными и незаконными в Горной Стране были округа, непосредственно граничавшие с Нижней Шотландией” – горные районы графств Перт, Стирлинг и Дамбартон²⁷. Утверждение тем более верно, если учесть, что данные округа во многом составляли владения преследуемых законом за участие в набегах и мятежах кланов Макгрегор и Кэмерон. В основе разграничения – социокультурные практики местного населения, основанные прежде всего на тесной взаимосвязи клановой и феодальной систем, определявших социально-политический и экономический облик этого края. Горная Страна Шотландии окончательно замещает в историко-литературных опытах “шотландского барда” “ирландские” коннотации и придает активно конструируемому мифу об истории и значении Хайленда в шотландском контексте необходимую внутреннюю непротиворечивость и ясность (в действительности, конечно, совсем не характерную для реалий описываемого в них периода).

²³Напр.: *Forbes D.*, of Culloden. Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution. – Culloden Papers..., p. 14–15; *Wade G.* Shame delivered to the King. April, 1725. – Historical Papers..., v. I, p. 147.

²⁴*Fraser S.*, Lord Lovat. Memorial Addressed to Ms Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724. – *Burt E.* Op. cit., p. 259.

²⁵*Campbell D.*, of Airds. A Scheme for Civilizing Lochiel's Country [вложено в: *Anne W.*, the Earl of Albemarle. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 6, 1746]. – Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746–1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746–1748, v. I–II. Aberdeen, 1902, p. 327–328.

²⁶“The Underwritten Clans belong to Superiors well affected His Majesty” и “The Clans Underwritten were in the late Rebellion, and are still supposed to be disaffected to his Majesty's Government”, содержащиеся в: *Wade G.* Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724. – Historical Papers..., v. I, p. 144.

²⁷*Scott W.* Op. cit., p. 143.

Многомерность имперского пространства (а Соединенное Королевство возможно рассматривать как Британскую империю в миниатюре) предполагает перемещение в пространстве как перемещение во времени. При этом путешествие в Горную Шотландию в первой половине XVIII в. являлось путешествием не в прошлое Шотландии как таковой (в том числе Горной Шотландии), а в прошлое Англии и Нижней Шотландии (аналогичные примеры: отзывы Ш.Л. Монтескье о Венгрии в 1728 г. или Г.Л. де Боплана об Украине в “Описании Украины” 1651 г., переиздававшегося и в XVIII в.). Таким образом, отношения, в которых Горная Страна и горцы состояли с остальным Соединенным Королевством характеризовались как отсталость, с Ирландией и другими “варварскими краями” – как сходство, со своими древними предками – как полная вневременная преемственность. Шкала относительной (пространства и времени) цивилизованности с севера на юг при этом выглядела так: “варварство” – “отсталость” – “цивилизованность” как таковая. В результате в описании Нагорья можно выделить два контекста рассуждений о времени в Горной Шотландии: “внешний” (динамика стадийного развития) и “внутренний” (“безвремяе” Горной Страны): цикличность и стадийность в “историческом” времени края.

Такая стадийная схема развития находилась в полном соответствии с общепринятой картиной распространения “цивилизации” на Британских островах с римских времен: “Устье Тэя было самым дальним рубежом Римской империи в Британии. Хотя Юлий Агрикола, лучший из полководцев при худшем из [римских] императоров, Домициане, прорвался дальше и по суше проник в самое сердце Горной Страны, но, так и не увидев пределов варварской страны и никакой пользы от пленения нескольких варваров-горцев, отбыл обратно и водрузил римских орлов,... сделав Тэй своею границей...²⁸ Теперь мы находим войска короля Георга марширующими в самых отдаленных уголках [Горного Края]... Однако сейчас он [король] не иностранец и захватчик, но суверен”²⁹.

При этом постепенный ход “цивилизации” можно усматривать, например, в том, что горцы “также имеют традицию, бывшую в Нижней Шотландии в давние времена, – наследие предков, – считать себя в праве устраивать беспорядки [на Равнинах] всегда, когда это в их силах” (что являло собой разительный контраст с образом жизни, теперь уже привычным в Нижней Шотландии)³⁰. Поэтому “несомненно, для правительства будет большим счастьем, когда не только жители Равнин, но и сами горцы, вся Шотландия, будут в равной степени цивилизованы, а горцами станут управлять с той же простотой и спокойствием, что и всей остальной Шотландией”³¹.

В этом смысле, т.е. стадийности развития, примечательна этнокультурная история горношотландского порубежья в пограничном с Горной Страной районе города Инвернесс: “Английские солдаты”³² поселились в этой... части страны, и в двух моментах усматриваются последствия этого: ...как солдаты Кромвеля приобшили

²⁸ Римский полководец Юлий Агрикола совершил в 80-х годах н.э. несколько успешных походов против британских племен, которым (вероятно, ввиду их бесполезности для империи) положил конец император Флавий Домициан (см.: *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981, с. 123). Последний отнюдь не был “худшим из императоров”, хотя его память и подверглась осуждению со стороны сената после того, как он был убит в результате заговора приближенных.

²⁹*Defoe D.* Op. cit., p. 394.

³⁰Напр.: *Wade G.* Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724. – Historical Papers..., v. I, p. 133; *Wodrow R.* The State of Scotland in 1724 [содержится в: *Analecta: or Materials for a History of Remarkable Providences mostly relating to Scotch Ministers and Christians*] . – The Early Hanoverian Age. 1714–1760. Commentaries of an Era. London, 1980, p. 148.

³¹*Fraser S.* Op. cit., p. 257.

³² Имеется в виду гарнизон в Инвернессе, расквартированный там Кромвелем, по его словам, для того, чтобы “сохранять в стране мир и держать Горную Страну в благоговении”.

их [местное окружение] к искусству и прилежанию в хозяйстве, точно так же они оставили им английский язык над их языками, что сохраняется до настоящего дня... Среди них живет много близких английскому образу жизни"³³. При таком понимании "прогресса" существование Горного Края одновременно на разных стадиях развития не удивительно.

Кроме того, сам этот "прогресс" в крае может сменяться "регрессом" и, следовательно, возвращением к прошлому. В изложении практически всех комментаторов (большую часть шотландцев), к мнению которых в правительстве прислушивались, Горная Страна предстает "имеющей слабые связи с Равнинами [Нижней Шотландией], практически недоступной всем, кроме ее собственных жителей, язык ["диалект ирландского, понятный лишь им самим"] и платье которой совершенно отличны от принятых на Равнинах, до нашего дня менее цивилизованная, чем другие части Шотландии, от чего множество неудобств происходит для подданных Его Величества и даже для самого правительства"³⁴.

Последний комментарий при этом особенно важен, так как в географических, исторических и культурных особенностях развития Горной Страны самым естественным образом кроются причины мятежного состояния Горного Края: "Сила в Шотландском королевстве издревле покоилась на власти повелителей над своими вассалами и вождей над их кланами, что в мирное время всегда было тяжким бременем для короля и королевства, поскольку эти могущественные властители и вожди, возгордясь, действовали очень высокомерно и оскорбительно, не будучи управляемы ни королем, ни законом; во времена войны их могущество вредило и более", последние же монархи из дома Стюартов сами ослабили власть Короны в Горной Стране, "снеся укрепления, построенные среди кланов Горной Страны... и вернув их к прежнему варварству"³⁵. В результате к началу XVIII в. власть в Горном Крае по-прежнему была главным образом властью вождей кланов, а право – их наследственной юрисдикцией: горцы, "принадлежа к одному из племен, полагают себя под защитой вождя", который "обладает огромной властью над ними, совершенно независимой от любой законной силы; в ряде случаев сохраняя ее... после того, как земли, на которых они живут, были отчуждены от вождей, которым они служат"³⁶. Такой реванш "варварства", отбрасывая Хайленд на полвека назад, если при расчетах в решении этого уравнения "цивилизации" оперировать датами представления лордом Ловэтом, вождем клана Фрэнгер, отчета о "состоянии Горной Страны" в 1724 г. Георгу II Ганноверу и началом периода Реставрации Стюартов в 1660 г.

Между тем такая стадийная интерпретация "исторического" развития в известной мере превосходит одну из двух историописательных моделей Западной Европы второй половины XVIII в. – универсализм. Универсалистская точка зрения представлена сочинениями об "историческом" времени и социальном развитии (Монтескье, Руссо, Вольтер). Как правило, их авторы основывались на двух типах источников – на сочинениях античных и средневековых авторов и описаниях современных путешественников. В этих работах Западная Европа в эпоху Просвещения предстает единым культурным пространством, проживающим общее время. Горная Страна в отчетах и описаниях конца XVII – первой половины XVIII вв. предстает как "Европа за пределами Европы" – "классический" универсализм до классического универсализма Монтескье, Руссо и Вольтера.

³³ Defoe D. Op. cit., p. 407–408.

³⁴ Fraser S. Op. cit., p. 254–255.

³⁵ Forbes D. Op. cit., p. 14.

³⁶ Fraser S. Op. cit., p. 255. Любопытной иллюстрацией к таким отношениям служит обращение глав отдельных ветвей клана Кэмерон к лорду Маклейну из Колла с просьбой о защите их родственника от грозившей ему кровной мести: Cameron Chieftains. Letter of Recommendation/Protection for Ewen Cameron addressed to the Laird of Coll. March 11, 1737. – <http://www.lochiel.net/archives/arch170.html>

При этом если дорога в Горный Край вела путешественников в их собственное "историческое" прошлое, то неудивительно, что историческая и географическая протяженность этих маршрутов практически не совпадали. Ранней весной 1716 г. герцог Аргайл, возглавлявший королевские войска в Шотландии в период вспыхнувшего в королевстве мятежа, распорядился об устройстве сменных лошадей между Эдинбургом и Инвернессом в надежде на своевременный обмен распоряжениями и сообщениями с пришедшим в Хайленд усмирять якобитов генералом Уильямом Кэдоганом. Однако с уходом генерала из Горной Страны и эта непрочная связь тут же оборвалась, почтовое сообщение за пределами горношотландского рубежа было свернуто³⁷. Тот день, когда "эхо Бен-Невиса тоже будет потревожено, но не боевым рогом воинственного вождя клана, а почтовым рожком", для Горной Шотландии, и в первой половине XVIII в. бывшей краем "мятежа и беззакония" (поддержки претензий на британский престол изгнанных Стюартов), еще не настал³⁸. При том, что в настоящее время от Лондона до крайней северной точки Шотландии, Терсо, – не более 16 часов автомобильной езды³⁹. По меткому выражению П. Шонно, к началу XVIII в. "Англия оставила Шотландию... в другой эре транспортной географии": игры со временем начинались уже на пути в Горный Край⁴⁰.

* * *

В Соединенном Королевстве понятие "протестантизм" в первой половине XVIII в. по-прежнему употреблялось как синоним понятия "антикатолицизм"⁴¹. Языком хайлендеров полагали ирландский, а религиозным символом поддержанного горцами якобитизма – католицизм (бывший в Ирландии, как известно, знаменем сопротивления протестантскому Лондону). Представление о необходимости протестантского и англоязычного образования в крае, где "дикость" и "мятежность" таким образом вновь находили свое "подтверждение", в этом смысле, не удивительно. Католицизм, по мнению Лондона, был не просто религией, но "конституцией" ирландца.

Пока явление воспринимается как пограничное, оно будет считаться опасным (и потому особое внимание уделялось именно сходству между Ирландией и Горной Страной). Шотландский горец – варвар, а, значит, "ирландец". Он – "ирландец" (ведь помимо прочего, говорит на "ирландском"), и потому он, конечно же, варвар. "Ирландский" фактор служил незаменимым этнографическим индикатором варварства в Горной Стране. Итак, враг (вооруженным этнографическим индикатором варварства в 1688-го года) говорил "по-ирландски". При этом сама формулировка "ирландской" угрозы, несомненно, отвечала нарождавшимся британским культурным потребностям. Единство Англии и Шотландии (внутреннее единство самой Шотландии) после 1707 г. было столь шатким и неочевидным, что понадобилось его укрепить⁴². "Ир-

³⁷ Chambers R. Domestic Annals of Scotland. From the Revolution to the Rebellion of 1745, v. III. Edinburgh and London, 1861, p. 401.

³⁸ Скотт В. Эдинбургская темница. – Собр. соч., т. 5. М., 1990, с. 8.

³⁹ Брайсон Б. Остров Ее Величества. Маленькая Британия большого мира. М. – СПб, 2008, с. 327.

⁴⁰ Шонно П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005, с. 264.

⁴¹ Стецкевич М.С. Указ. соч., с. 35–41.

⁴² Заключенная в 1707 г. между Англией и Шотландией уния первый серьезный кризис пережила уже в 1713 г., когда Палата лордов британского парламента обеспечила ее сохранение перевесом лишь в четыре голоса "за": Murdoch A. Scotland and the Union. – A Companion..., p. 382. В то же время настоячивые предложения об унии (как инкорпорации "Изумрудного острова") с Англией, поступавшие из Ирландии в 1698, 1703, 1707, 1709 гг., с завидным постоянством отвергались в Лондоне, к ущербу для дела интеграции "Трех королевств", провозглашенную в 1707 г. англо-шотландской унией: Kidd C. Integration: Patriotism and Nationalism. – A Companion..., p. 370.

ландский” Хайленд пришелся очень кстати. “Оказалось”, что на Британских островах существуют два скорее культурно, чем политически объединенных региона: “Великобритания” (Англия и Нижняя Шотландия) и “Ирландия” (Ирландия и Горная Шотландия).

Бесполезно пытаться уяснить смысл понятия “горец” или “ирландец” вне контекста изучаемой темы (так, этноним “сассенах” горцы с успехом применяли и к англичанам, и к шотландцам с Равнин⁴³). Вопрос о достоверности информации, таким образом, уступает место вопросам о характере информации, характере ее организации, трансляции и авторстве, целях. С чем мы имеем дело – с “ирландскостью” (“Irishry”) или версиями “ирландскости” (“Irishness”): коренные ирландцы-католики, которые после разгрома якобитов в легендарной битве на р. Бойн 12 июля 1689 г. населяли “скрытую Ирландию” Дэниэла Коркери (“скрытую”, конечно, лишь от моноглотов-англичан, не знавших ирландского); “старые англичане-католики” – “ирландизировавшиеся” потомки англо-нормандских завоевателей “Изумрудного острова” XII в.; роялисты, которых О. Кромвель еще в 1649 г., при взятии Дрохеды (ее обороняли в основном англичане), определил как “ирландцев”; шотландские горцы?⁴⁴ Этнографическое (как и географическое) определение Ирландии и Горной Страны всегда было делом, в известной степени, неоднозначным.

На протяжении второй половины XVIII в., когда военно-политическая угроза со стороны Горной Страны была практически ликвидирована, а необходимость в скорейшей интеграции края, способного поставлять рекрутов для новой “Столетней войны” (1689–1815 гг.) с Францией только усилилась, был создан миф о шотландском горце, отшлифованный в викторианский период и опирающийся на своеобразную культурную революцию и переворачивание связи “потребитель – производитель” (отныне Горная Шотландия выступала в качестве колыбели “кельтскости”, а не культурной провинции Ирландии), изобретение “древних и исконных” горских традиций, распространение изобретенных традиций на остальную Шотландию⁴⁵. Причем в первой половине XIX в. этот мифотворческий процесс был продолжен; в том числе и во многом благодаря усилиям Вальтера Скотта, кульминацией которых в общественно-политической жизни Великобритании стал организованный “шотландским бардом” визит в Шотландию Георга IV Ганновера в 1822 г. Облаченный в горское платье, король был представлен как законный монарх горных кланов, подкрепляя относительно недавнюю традицию лояльности Горной Страны по отношению к Лондону⁴⁶.

Для первой половины XVIII в. верен и обратный процесс, при котором жителя Горного Края вполне осознанно “превращали” в “ирландца”. “Пределы мятежа” и культурные рубежи еще и в 1746 г. видятся так же, как прежде: “То, что, собственно, зовется Горной Страной Шотландии, является гористой местностью к северу от Форта и Тэя, где местные говорят на ирландском языке... Примечательно, что в некоторых пограничных с Горной Страной округах, где... говорили на ирландском языке, носители горское платье и были привычны к оружию, под влиянием случайного внедрения промышленности ирландский язык и горское платье уступили разновидности английского языка и нижнешотландской одежде; жители взяли вместо оружия плуг и, раз-

оруженные таким образом не по акту парламента, такие же теперь, как и их соседи с Равнин”⁴⁷.

Примечательно, что реалии Горной Страны представлялись обычному (но очень проникательному) жителю горношотландского порубежья мистеру Николу Грэмму из Гэртмора (уже упоминавшемуся нами “проводнику” Вальтера Скотта в Хайленде) виделись так же, как и лорду-президенту Сессионного суда Шотландии: “Под Горной Страной Шотландии понимают не только гористые местности, что разбегаются от берегов Лохлохонда в Стирлингшир, Дамбэртоншир, к северу Сазерленда; но так же Западные острова и те области, что лежат на стыке графств Энгус, Мearнс [Морэй] и Эбердин... Горная Страна состоит примерно из 230 приходов с общим населением примерно в 230 000 человек... Общение на ирландском языке в большей части страны, на языке, отличном от того, на котором говорит все остальное королевство, способствует их объединению, но отделяет от остальных подданных бесполезной враждой, происходящей от различий в обычаях, что является естественным следствием разницы в языке”⁴⁸.

Категории античной и средневековой истории еще только входили в научный аппарат формировавшейся тогда новой общественной науки – этнографии, а “ирландцы” уже стали центральным элементом представлений об “Ирландии” в целом. Этот факт подтверждается эффективным использованием языка в качестве аналитического критерия при изображении внутренне однородного ареала: ирландский язык оказывался структурообразующей особенностью “Ирландии” и ее Горного Края. И хотя шотландский и ирландский гэльский различались, сходства между ними для того, чтобы вести речь об “Ирландии”, полагали достаточными. Признаки “этничности” с эпохи античности и средних веков в данном случае оставались все теми же: язык, культура, право (обычай).

Переосмыслив историю как историю “обычаев и нравов”, европейская философия XVIII в. наметила путь от истории к этнографии. При этом нравы использовались как индикатор, позволявший отличать “цивилизацию” от “варварства”. Такая культурная антропология была характерной чертой и шотландского Просвещения. Воспользовавшись проникательной формулировкой Л. Вульфа, идеям которого автор настоящей статьи многим обязан, отметим, что, вплетая в повествование и ирландцев, и горцев, и американских индейцев, антропология XVIII в. пыталась сформировать целостное представление о “варварстве”; XVIII век всё больше интересовался “дикими” народами и “картой человечества”⁴⁹.

При этом следует иметь в виду, что воображаемый – не значит менее реальный. Для того чтобы понять специфику восприятия Горной Страны как составной части охватывавшей оба берега Северного канала “Ирландии”, нужно вынести за скобки вопрос о том, действительно ли (и до какой степени) шотландские горцы и в первой половине XVIII в. были ирландцами.

* * *

К первой четверти XVIII в. ученые и писатели уже провели “первичную подготовку” для последующей “цивилизации” Горного Края, изображая его жителей такими же “дикарями” и “варварами”, какими в свое время (в том числе и в первой

⁴³ Запоминающиеся примеры можно найти, например, в романе Вальтера Скотта “Уэверли, или Шестьдесят лет назад”: *Scott W.* Собр. соч., т. 1. М., 1990, с. 157.

⁴⁴ *Corkery D.* The Hidden Ireland. A Study of Gaelic Munster in the Eighteenth Century. Dublin, 1925; *Cunnane D.W.* Catastrophic Dimensions: The Rupture of English and Irish Identities in Early Modern Ireland, 1534–1615. – *Essays in History*, v. 41. 1999 (любопытный анализ того, как англичане-протестанты, повторно колонизовавшие Ирландию в XVI в., стали в политических сочинениях изображать потомков прежних английских поселенцев как “ирландцев”); *Stevenson D.* Cromwell, Scotland and Ireland. – *Cromwell and the Interregnum. The Essential Readings*. Bodmin, 2003, p. 192.

⁴⁵ *Trevor-Roper H.* Op. cit., p. 15–41; *McNeil K.* Op. cit.

⁴⁶ *Дайчес Д.* Сэр Вальтер Скотт и его мир. М., 1987, с. 70.

⁴⁷ *Forbes D.*, of Culloden. Some Thoughts concerning the State of the Highlands of Scotland [1746?]. – *Culloden Papers...*, p. 297, 301.

⁴⁸ *Graham N.*, of Gartmore. Op. cit., p. 363.

⁴⁹ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003, с. 462, 466. Добавим, что, например, историю взаимоотношений Макгрегоров Нагорья и Низин во времена Роб Роя еще и в XIX в. называли “анекдотом, который ставит рядом представителей самой высокой цивилизации и полудикого народа”, “дикой доблестью, тонкой хитростью и необузданным своеволием своим затмевавшего американских индейцев”: *Scott W.* Op. cit., p. 116, 159.

половине XVIII в.) представлялись ирландцы (еще раньше – валлийцы, но с другим идейным подтекстом) и подкрепляя мысль о “цивилизующей” миссии Соединенного Королевства в Горной Стране⁵⁰. В модель англоязычного протестантского образования на Британских островах с самого начала был встроены определенный “гэлизм” (и в этом смысле параллели, конечно, уместны только между ирландцами и жителями Горного Края), аналогичный в сущностных чертах (возьмем наиболее примечательный в последние десятилетия пример) “ориентализму” Европы нового времени, как его понимал Э.В. Саид⁵¹. Наблюдается довольно своеобразная коннотация исторических образов: изображаемый комментаторами горец времен первых Ганноверов очень похож на ирландца времен поздних Тюдоров (при том, что XVII в., видимо, не стал пробелом в этой традиции: достаточно упомянуть характер и стилистику сообщений об “избиении” протестантов в Ирландии в 1641 г.⁵²).

С большой долей уверенности можно предположить, что правительственными комментаторами в Горной Стране на вооружение был взят риторический арсенал “Описаний” Ирландии столетием ранее. За текстами о Горной Стране обнаруживается давняя историческая и историографическая традиция: “Описания” Ирландии формируют последовательную и цельную литературную традицию политического освоения “Изумрудного острова” при Тюдорах и Стюартах. В том же качестве выступают “Описания” Горной Шотландии уже при Вильгельме III и первых Ганноверах. Изрядно нагруженная ассоциациями “Ирландия” проглядывает во всем: в языке, одежде, быте, архитектуре и стиле (не говоря уже о социальной, экономической и политической организации горцев Шотландии). Литературная власть “Другого” оказывалась его же “черной легендой”. На Британских островах можно было спокойно говорить об ирландском языке, ирландской одежде, ирландском способе производства, ирландском способе ведения войны, ирландской политической культуре, ирландской религии, ирландском характере и т.д. и при этом рассчитывать на понимание (это же верно и для хайлендской специфики)⁵³. Этот процесс генерализации “Ирландии” в целях представления “естественности” описанного комментаторами региона заключался в выведении общих черт в отношении *всех* кланов Горной Страны, между *всеми* горцами и *всеми* ирландцами. Вместе с тем культурные различия могут играть дифференцирующую роль только тогда, когда они политически обработаны и, следовательно, нагружены политическим значением. “Ирландия” именно этим значением и обладала.

Таким образом, Ирландия и Горная Шотландия были объединены в сознании и письме комментаторов как две области, в которых волнения и мятежи бросали (и бросают) вызов Лондону. Объединяя их общим родством, авторы отчетов прочли

⁵⁰ Из более 50 аналитических сочинений об умиротворении Горного Края конца XVII – первой половины XVIII вв., в равной степени являвшихся и “продуктом” научной деятельности (изучение географии, истории, этнографии, экономики края), и источником для литературных украшений современников (так, первое жизнеописание Роберта Макгрегора – “Шотландский лиходея” – появилось еще при его жизни: *Scott W.* Op. cit., p. 176–177; а уже в 1737 г. ему и другим подобным “героям” горношотландского пограничья уделили внимание в одной поэме, посвященной военным дорогам в Горной Стране: *Chambers R.* Op. cit., p. 470), ни в одном не упомянуто о “цивилизации” Хайленда как непременном условии решения этой задачи.

⁵¹ Саид Э.В. Указ. соч., с. 7–47.

⁵² См. например: *Fitzpatrick Th.* The Bloody Bridge And other Papers Relating to the Insurrection of 1641 (Sir Phelim O'Neill's Rebellion). Dublin, 1903; *Connolly S.J.* Divided Kingdom. Ireland 1630–1800. Oxford, 2008, p. 45–59.

⁵³ Один из самых примечательных примеров: понятие “Горной войны” (“Highland War”), в описаниях Горного Края имеющее не только географическое, но и вполне определенное культурное значение, введенное в “научный оборот” еще в 1689 г. генерал-майором Хью Маккем из Скоури, командовавшим войсками Вильгельма III в Шотландии в 1689–1690 гг.: *Mackay H., of Scoury.* General Remarks upon the Scots Wars in the Years 1689 and 1690, with the occasions of the Beginnings, increasing and continuation of the Rebellion against their Majesties Government. – *Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland...*, p. 110–117, 221–356.

Горному Краю в конце XVII – первой половине XVIII вв. судьбу Ирландии в конце XVI – начале XVII в., и две “Десятилетние войны” (1594–1603 гг. и 1688–1697 гг.), казалось, подтверждали эти выводы. В Ирландии и Горной Шотландии действовали разные принципы организации власти, что несло с собой осложнения для политики Лондона. “Ирландия” придавала этому многообразно известную долю определенности, перенося Хайленд из сферы “чужого” в сферу хорошо известного (по Уэльсу и Ирландии) колониального пространства королевства.

Однако удивительное удобство “Ирландии” для анализа и описания представлений британцев о Хайленде может вызвать у читателя подозрения, что “Ирландия” – изобретение автора настоящей статьи. Действительно, такие исторические понятия, как “Горная война”, “Шотландская война” (параллельно с которой велась еще и “Ирландская война”), “мятежные шотландцы” едва ли не самой популярной в Англии в 1745–1746 гг. версии национального гимна “Боже, храни короля”, убеждают в том, что комментаторы и агенты Лондона в Горной Стране совершенно определенно воспринимали последнюю как не только географически, но и социально-экономически, политически и культурно (в известной мере) цельный регион – Хайленд Шотландии⁵⁴. Видимо, речь должна идти еще и о более конкретных (в период между 1689 и 1759 гг.) примерах и хронологических рамках актуализации концепта “Ирландия” – вероятно, о традиции, подкрепленной попытками силой оружия поддержать претензии свергнутого с престола “Трех Королевств” Якова II (VII) Стюарта в 1688–1691 гг., когда комбинированная “ирландская” угроза (и от Ирландии, и от Горной Шотландии) казалась именно поэтому особо вероятной. С другой стороны, “ирландский” характер горцев постоянно подчеркивался авторами вплоть до окончательной ликвидации якобитской угрозы к началу 1760 г. Само название “Ирландия” для Горного Края – это, пожалуй, единственное, чего не хватало тогда для того, чтобы считаться органичной частью “Изумрудного острова”.

Стоит ли удивляться, вновь обращаясь к литературной интерпретации истории Горной Страны, что побудительным мотивом к литературному воссозданию шотландской истории для Вальтера Скотта послужили, в том числе, ирландские романы М. Эджворт, чьи “изумительные ирландские портреты” стали своеобразным образцом описания “привычек, нравов и переживаний” жителей Горного Края⁵⁵?

В первой половине XIX в. общественная жизнь в Шотландии во многом определялась продолжением формирования национальной идентичности в рамках так называемого культурного национализма (схожие процессы наблюдались и в Америке). Понимаемый как аналитическая категория, он позволяет выявить специфически шотландскую (периферийную, имея ввиду также Уэльс и Ирландию) “концентрическую идентичность”. Благодаря такому пониманию национальной истории удается вскрыть предпосылки и механизмы формирования этой идентичности для постюнионистской Шотландии – для Северной Британии Соединенного (в 1707 г.) Королевства. В этом смысле трудно переоценить роль Вальтера Скотта, на которую отечественные британцы уже обратили внимание⁵⁶.

⁵⁴ *Mackay H.* Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. ...

⁵⁵ *Скотт В.* Собр. соч., т. 1, с. 484. Подробнее см.: Переписка Марии Эджворт и Вальтера Скотта. – *Эджворт М.* Замок Рэкрент. Вдали Отечества. М., 1972, с. 289–350. Эта литературная традиция имела свое продолжение и на российской почве: именно с “шотландскими” романами В. Скотта связана идейно, жанрово и стилистически “Капитанская дочка” А. С. Пушкина (вплоть до намерения, как в случае с “Роб Роем”, предпослать повести результаты собственных исторических изысканий – “Историю пугачевского бунта”), напр.: *Гиллельсон М.И., Мушина И.Б.* Повесть А. С. Пушкина “Капитанская дочка”. Комментарий. М., 1977, с. 7, 10–23, 52; *Альшюллер М.Г.* “Роб Рой” Вальтера Скотта и “Капитанская дочка” А. Пушкина. – *Russian Language Journal*, 1990, v. 44, № 147/149, p. 91–108; *Захарова Н.Н.* “Уэверли” В. Скотта и “Капитанская дочка” А. С. Пушкина. – *Res philologica: “Пушкин – наше всё”*. Архангельск, 1999, с. 56–61.

⁵⁶ *Апрыщенко В.Ю.* Уния и модернизация.